PG 3337
.K28 S75

1832

LIBRARY OF CONGRESS
00004094268

THE LIBRARY OF CONGRESS

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИВАНА КАРТАВЦОВА.

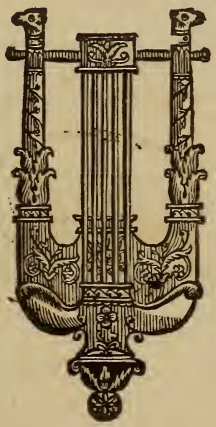
Kartavtsov, Ivan.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИВАНА КАРТАВЦОВА,

или

НЕВИННЫЯ ЗАНЯТІЯ НА БЕРЕЖКѢ СНѢЖЕДКА.



МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1832.

PG3337
.K28S75
1832

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва. Ферваля 1 го дня 1832 года.

Цензоръ Сергѣй Аксаковъ.

88-139867
5-11-88
EP62

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ,

БРАТУ МОЕМУ,

АЛЕКСАНДРУ АѲАНАСЬЕВИЧУ

КАРТАВЦЕВУ,

2-го ранга Капитану и разныхъ орденовъ Кавалеру.

Въ свѣтъ первое издалъ —
Тебѣ и посвящаю.
Прими талантъ сей малъ,
Я больший обѣщаю.

Иванъ Картавцовъ.

20ас76

ЦАРЮ РУСКОМУ.

Когда блаженства нѣтъ въ Европѣ непокойной,
Ты Царь, заботишься о подданныхъ своихъ;
Пошлется на враговъ гнѣвъ праведный, достойный,
Мужайся! сколько есть отъ Бога силъ Твоихъ.
Въ Исторіи дѣла напишутъ безпристрастно
Твое возшествіе на Прадѣдовскій Тронъ. —
И думать кажется бунтующимъ (*) ужасно,
Чтобъ Русской премѣнить священый могъ законъ!
Постигнетъ неба взоръ корону нелюбящу;
Постигнетъ неба взоръ, кто слабо скиптръ
держалъ;
Пошлется благодать Царю земному бдящу,
Пошлется благодать, кой буіи каралъ.
И мы, о Русскіе! вѣками столько чтимы,
Непобѣдимые! страшиться ль намъ враговъ?
Съ закономъ и Царемъ мы ввѣкъ непобѣдимы!
Зломысленныхъ однихъ постигнетъ правды ковъ.
Постигнетъ — и тогда поносною чертою
Вовѣкъ забвеніе напишетъ имъ рука. —
Цари намъ избраны верховною судьбою,
Россія ей давно, изъ древнихъ лѣтъ крѣпка.

(*) Полякамъ.

Давноль съ почтеніемъ Сарматы лобызали
Руку, подъятую и миловать, карать?
Давноль подъ Лейпцигомъ Французы трепетали,
Увидѣвъ Россіянъ могущественну рать?
Давноль Россійскій вождь, воспитанный въ законѣ,
Кутузовъ нашъ, громилъ пришедшія Орды?
Давно ли АЛЕКСАНДРЪ, Царь доблестный на Тронѣ,
Въ тринадцатомъ году Царя понесъ труды?
Труды, — примѣръ Царямъ носить чтобы порфиру,
И скипетръ никогда неломлемый держать,
Благословеннымъ быть, извѣстнымъ полуміру,
А зло гнѣздящеся онъ правдѣ далъ карать.
А я въ невѣденьи, гдѣ Снѣжедкъ протекаетъ,
Тебя, о ГОСУДАРЬ! съ почтеніемъ люблю, —
Твой Русской Дворянинъ и малымъ обладаетъ,
Но я ни отъ кого насильства не терплю.
Да можноль и имѣть, гдѣ кровь ліется въ жилахъ
Прапрадѣдовъ моихъ, носившихъ мечь судьбы,
При Тронѣ праведныхъ, въ поляхъ непобѣдимыхъ,
И зова Отчаго послушниковъ трубы?...
Молю Всевышняго! — и Оный обитаетъ
Въ душѣ недремлемой къ отчизнѣ дорогой!
Пускай коварный врагъ когда нибудь узнаетъ,
Что я любилъ Царя, — любилъ Законъ Святой.

НАВЗЯТІЕ ВАРШАВЫ.

Свершилось! .... камень крайугольный
Днесь будетъ положенъ, Сарматъ!
Ты былъ издревле непокойный —
Теперь созиждется у вратъ
Варшавы гордой и надмѣнной
Вѣкамъ, потомству мавзолей;
Промчится слухъ по полвселенной,
Что палъ ты днесь — и слезы лей!
Но все благодари судьбину, —
На немъ напишетъ такъ рука:
Паденья твоего годину
И Россовъ мышца коль крѣпка.
Что въ мирѣ жить, или враждою
Свое отечество терзать? —
Исторія гремитъ трубою,
Какъ Русь умѣетъ побѣждать!
Мы васъ подъ кровъ къ себѣ пріяли,
Не мстить хотѣли, дружно жить,
И сѣнь отрадну Россовъ дали,
Чтобъ съ ней блаженство раздѣлить.
Но все отринулъ, малодушный!
Мечтой дымящей упоенъ.
Пустымъ прельщеніямъ послушный,
Чрезъ себялюбье увлеченъ.

Познайже благость днесь Россіи,
Она смиряетъ какъ враговъ:
Исторгнетъ мечь — приклонятъ выи;
Послушнымъ ей — даетъ покровъ.
И Рускаго Царя порфира —
Надежда — слабыхъ защищать,
Рука простертая для мира,
А зло гнѣздящеесь карать.
Нашъ мудрый ГОСУДАРЬ правдивый
Путь къ жизни правый указалъ;
Нашъ НИКОЛАЙ непобѣдимый
Примѣръ Царямъ Европы сталъ!
Падемъ предъ Вышнимъ на колѣна
И будемъ такъ Его молить:
Да кончится враговъ измѣна
И всякой мирно будетъ жить.

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ НА ПРИСТУПЪ ВАРШАВЫ.

Кто на насъ! — штыки булатны
Изостримъ — и нѣтъ того!
Лавръ плетутъ дѣла намъ ратны,
Храбрымъ онъ милѣй всего.

Веселися! пой, ребята!
Разгромимъ мы Ляхъ-врага!

За сіе нужна ль намъ плата? . . .
Рускимъ слава дорога!

Кто на насъ! — штыки булатны
Изострimъ — и нѣтъ того!
Лавръ плетутъ дѣла намъ ратны,
Храбрымъ онъ милѣй всего.

Царь - Отецъ! дѣтямъ любезный!
Наша грудь отчизнѣ щитъ!
Русской всемъ, вездѣ полезный
Лишь шагнетъ — и побѣдитъ!

Кто на насъ! — штыки булатны
Изострimъ — и нѣтъ того!
Лавръ плетутъ дѣла намъ ратны,
Храбрымъ онъ милѣй всего.

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА.

Міровъ Зиждитель безконечный!
Никѣмъ незримый — все Ты зришь.
Всевышій Богъ! Благій, Превѣчный!
Что̀ восхотѣлъ, то и творишь.

Подаждь, какъ утро въ часъ разсвѣта
Юнѣетъ солнечнымъ лучемъ,

Чтобъ юность дней въ цвѣтущи лѣта
Цвѣла бы въ счастіи моемъ.

Подаждь, какъ въ полдень на лазурѣ
Невидно тучь и облаковъ,
Порывныя не гонютъ бюри —
Чтобъ я былъ въ полдень мой таковъ.

Подаждь, — какъ въ вечеръ догараетъ
Покойно тихая заря,
Такъ дни проситель твой скончаетъ,
Молитву утренню творя.

НА СПУСКЪ КОРАБЛЯ, НАИМЕНОВАННАГО ПЕТРОМЪ 1814 года Августа 7 дня въ Санкт-Петербургѣ.

Взшумѣли тихи Невски воды,
Когда на хребтъ имъ Петръ ступилъ,
Морскіе спрятались уроды,
Нептунъ чело предъ нимъ склонилъ.
О зрѣлище для насъ ужасно!
Гранитъ потрясся въ берегахъ,
„Внемли!“ и гласъ раздался ясно,
Какъ громъ на горныхъ облакахъ:
„Кому священное названье
„Я слышу днесь нарѣчено? —

„Тому за доблесть въ воздаянье,
„Сему же для побѣдъ дано“...
Вдругъ зыблется корабль съ водою
И всюду очищаетъ путь,
Смиряетъ волны съ сѣдиною,
Орканы днесь не смѣютъ дуть;
Гремитъ труба судебъ народа,
Опять сталъ слышенъ тотъ же гласъ,
Взблистала съ нимъ и вся природа
И паки прорекло тотчасъ:
„Ступай ты въ стихію свирѣпу!
„Разя враговъ, греми какъ громъ,
„Кажи собой геройство свѣту
„Подъ АЛЕКСАНДРОВЫМЪ щитомъ.“

ЛОДОИСКА.

Въ лѣсу дремучемъ подъ скалою,
Гдѣ дубъ столѣтній временъ палъ,
Межъ Сеймомъ, Сулою рѣкою,
Пулавской съ дочерью стоналъ:
Прикрыты рубищемъ, безъ пищи,
На прахѣ хладныя земли,
Среди зверей, и въ ихъ жилищѣ
Себѣ убѣжище нашли.
„Что станетъ, дочь моя, съ тобою?
„Коль страшенъ дней твоихъ конецъ!

„Ты скоро будешь сиротою;
„Уже дряхлѣющій отецъ,
„Бѣжа отечества, не знаетъ
„Гдѣ и главу свою укрыть, —
„Какъ листъ осенній увядаетъ
„Ему осталось мало жить...
„...Но ты весеннихъ дней во цвѣтѣ,
„Бывъ прелестью въ странѣ родной,
„Въ семнадцатомъ лишь только лѣтѣ,
„Гонима грозною судьбой,
„Куда, несчастная, укроешь
„Себя съ невинною душой,
„Кому печаль свою откроешь
„И кто защитникъ будетъ твой? —
„О Лодоиска!“ — Другъ, родитель!
Да защитятъ насъ небеса!
Всевышній — сирыхъ покровитель!
Увянетъ пусть моя краса —
Изчезни счастіе, что льстило,
Лузинскимъ вѣчно обладать,
Лишь Провидѣнье бъ положило,
Тебя со мной не разлучать. —
Сказавши, бросилась, съ слезою
На выю дряхлаго отца,
И грѣя грудь его собою,
Ждала отъ Промысла конца.

И вотъ печальный видъ природы,
Тоскуя, зелень умертвилъ;
Луга поблекли, рощи, воды
Едва холодный вѣтръ струилъ;
На Югъ протяжной вереницей
Летѣли стаи журавлей,
Крутясь подъ облакомъ станицей,
Искали теплыхъ, красныхъ дней;
Въ глуши подъ сосной вѣковою,
Куда свѣтъ слабый проникалъ,
Гдѣ Аквилонъ шумитъ зимою
Угрюмый звѣрь ужъ засыпалъ;
Все пряталось подъ кровъ надежный,
Легли туманы средь долинъ;
Въ селѣ хозяинъ безмятежный
Чинилъ въ досугѣ свой каминъ.
И вотъ отъ Сѣвера грядами
Покрыли тучи неба сводъ
И частый снѣгъ, валясь клоками,
Другіе сутки сплошь идетъ.
Любовью страстно воспламененный,
Тоскуя сердцемъ и душой —
Въ странѣ чужой и отдаленной
Скитаясь мѣсяцъ ужь другой,
Лузинской, съ горемъ и тоскою,
Искалъ возлюбленной своей —

И наконецъ судьбы рукою
Онъ приближался тайно къ ней. —
И видитъ Сулу, льды несущу,
Скалы нависшія межь горъ,
Угрюмый лѣсъ, глухую кущу
И иніемъ покрытый боръ.
Подходитъ ближе — все въ молчаньи,
Лишь ель обширная скрипитъ;
Въ дуплѣ гниломъ совы стенанье
И снѣгъ упадшій съ древъ шумитъ.
Но вотъ глазамъ его тропина
Явясь, излучиной пошла —
Идетъ по ней — прошелъ — долина
Къ скалѣ нависшей привела.
Вздохнулъ — и эхо повторило,
Межъ камней вѣтеръ засвисталъ,
Изъ сердца скорбнаго уныло:
О Лодоиска! онъ сказалъ.
И зовъ душевныя печали
Изъ подъ скалы къ нему достигъ. —
Лузинской, ты-ль? — Едва назвали —
И онъ въ объятіяхъ драгихъ!...
Любовь забыла и рожденье,
Сѣдины дряхлаго отца;
Въ одномъ душевномъ упоеньи
Лишь славитъ Вышняго Творца.

Но слышутъ — голосъ ослабѣлый
Благословеніе изрекъ,
Спѣшатъ — но старецъ онѣмѣлый
Закрылъ глаза уже навѣкъ.
И на брегу, гдѣ Сеймъ струится,
Тамъ дѣти скрыли прахъ отца;
А на курганѣ камень зрится
И въ немъ два врѣзаны сердца.

КУДОЯРЪ.

Гдѣ малый Снѣжедкъ, чуть струясь,
По камышкамъ стремится,
И по крутымъ брегамъ віясь,
Змія въ глуши гнѣздится;
Гдѣ лѣсъ, съ высокой крутизны
Нагнувшись въ воды, дремлетъ,
Во время ранней гдѣ весны
Охотникъ рогу внемлетъ,
Чтобъ гончихъ вызвать поскорѣй,
Выжлятника лихова;
Гдѣ чаща, глушь, растетъ пырей,
Одно глушѣй другаго.
Вотъ въ семъ-то мѣстѣ, Кудояръ,
Имѣя крѣпку силу,
Широкъ въ плечахъ, могущъ, нестаръ,

Обапальнымъ на диву
Свое жилище основалъ,
И всѣ его страшились;
Онъ всѣхъ прохожихъ обиралъ
И гдѣбъ ни появились:
Дорогой ѣдитъ кто большой —
Добыча Кудояра;
Или почтовой столбовой
Одна ли тройка, пара, —
Неся могущею рукой
Дубину суковату,
Лишь поравнялся, скажетъ: стой!
Не спуститъ даже брату.
Себя не зналъ сильнѣе онъ,
Смѣлѣй и не бывало;
Широкій ножъ его — законъ;
Въ бою — кистень начало.
Крещенскій сильный-ли морозъ —
Онъ дровъ зажжетъ беремя;
Въ Петровки жаръ, когда покосъ
Въ водѣ большое время.
Когдажъ палилъ долину жаръ
И стада полдневали,
Тогда разбойникъ Кудояръ,
Не знавъ въ душѣ печали,
Имѣя ножъ на кушакѣ,

Въ рукѣ кистень въ полпуда,
Сходилъ напиться чтобъ въ рѣкѣ,
И воротясь оттуда,
Ложась въ ущельи подъ горой,
Онъ стлалъ платокъ широкой
И въ чащи и глуши нѣмой,
Въ безлюдствѣ, одинокой,
Клалъ голову свою на немъ
Съ широкой бородою
И мѣсто то казалось всѣмъ
Губительной страною!
Никто покой не нарушилъ
Ужаснаго злодѣя;
Тѣхъ мѣстъ страшася, всякъ бѣжалъ,
И кинуть взглядъ не смѣя.
Однажды зимнею порой,
Отъ стужи леденѣя,
Звенѣлъ валдайской подъ дугой,
И въ санкахъ не робѣя,
На тройкѣ, ухорскихъ коняхъ,
Въ мятель, куру и вьюгу,
Бѣжалъ домой на рысакахъ
Отъ брата Павла съ кругу
Удалый, смѣлый Дворянинъ
На тридцать пятомъ годѣ;
Природы вольный другъ и сынъ

Воспитанный въ свободѣ —
У друга на́ весель онъ былъ,
А въ друга всякъ пируетъ!
Мѣста шѣ страшныя забылъ,
Гдѣ Кудояръ ликуетъ.
И не одна ли, не одна —
Вотъ кучеръ запѣваетъ, —
Не видно зги и нѣтъ слѣда —
Усталыхъ погоняетъ,
И на распутьи двухъ дорогъ
Онъ встрѣтилъ Кудояра.
Прибравши возжи, сколько могъ —
— Ну, дѣти! дамъ вамъ жара! —
Хотѣлъ объѣхать, но кистень
Разсѣкши воздухъ, свиснулъ —
И коренная брякъ на пень!
Разбойникъ бросясь, стиснулъ
Своею мощною рукой
За горло вороную,
И размахнувшися другой,
Сшибъ на повалъ гнѣдую. —
— Ну, баринъ! дѣло не путемъ:
Полночь и мы съ злодѣемъ. —
— Дуракъ! одинъ онъ, мы вдвоемъ —
Повѣрь не заробѣемъ!
И Ванька съ козелъ прыгъ, взмазнулъ —

Кулакъ летитъ съ размаху,
И брякъ по рожѣ, — самъ вздрогнулъ!
— Ай, парень! безъ промаху —
Сказалъ охрипло Кудояръ,
Рукою потирая, —
Не отъ тебя бъ такой ударъ. —
Самъ ножъ приготовляя,
Хотѣлъ взмахнуть, другой ударъ
Летитъ къ нему — и въ рыло,
По снѣгу хлынулъ съ кровью паръ!
Какая въ тебѣ сила,
Разбойникъ тихо бормоталъ
Поднявши въ верхъ дубину,
И бацъ по Ванькѣ, самъ сказалъ:
То будетъ господину! —
А бѣдной только забрыкалъ,
Упавши на дорогу;
А сей кистень приготовлялъ,
Окончить чтобъ тревогу. —
Подшедъ къ санямъ, рукою взялъ
За воротникъ шенели
И съ шубой вмѣстѣ разорвалъ, —
Лишь клочья полетѣли!...
И вихорь дунулъ — не видать
Разбойника въ размахѣ.
— Ну Кудояръ! пришлось мнѣ встать!

Такъ молвилъ не во страхѣ,
Изъ санокъ выскоча герой,
Надѣясь самъ на силу —
Наслышенъ о тебѣ, — постой!
Отправишься въ могилу!
И мѣсяцъ томный чуть блеснулъ
Изъ облака — и скрылся,
И вѣтръ сильнѣй еще подулъ —
Разбойникъ появился
Съ взмахнутой въ воздухѣ рукой,
А въ ней видна дубина,
Виситъ надъ самою главою
Героя-исполина!..
И мѣсяцъ вдругъ блеснулъ опять
Какъ будто-бы судьбою —
И Кудояра баринъ хватъ —
Нѣтъ уха и съ щекою!
Дубина въ дребезги летитъ;
Кистень за тридцать саженъ,
Булатный въ мѣлкія хруститъ;
И нашъ герой — отваженъ —
Схватившися въ ручной съ нимъ бой,
Въ снѣгъ падаютъ обое;
Глаза горятъ, языкъ нѣмой,
Съ движеньемъ сила втрое!
Подымутся — и съ ногъ долой,

Какъ съ корня древо грянетъ;
То этотъ стиснетъ подъ собой,
То этотъ сшибъ, и встанетъ
Барахтаясь, и борода
Герою вдругъ попалась —
Летитъ разбойникъ, какъ копна!
И борода осталась!
Вспрыгнулъ, разсердясь, Кудояръ!
Въ немъ сердце запылало;
Но сильный встрѣтилъ онъ ударъ
И черепа не стало!

Разбойникъ сей, имѣлъ гдѣ станъ,
Теперь прохожій видитъ
Огромный насыпи курганъ!
И взоръ съ него коль кинетъ,
Картина сельской простоты
Вездѣ его встрѣчаетъ:
Луга цвѣтутъ, растутъ кусты
И Снѣжедокъ мелькаетъ,
Имѣя на брегахъ своихъ
Разсыпаны селенья,
И голосъ робости затихъ
Прошедша поколѣнья.

ЗАРЕМА.

Зарема младая
Въ Гаремѣ жила,
И Ханъ, почитая,
Не дѣлалъ ей зла,
За младость по лѣтамъ
И чтя Алкоранъ;
Быть правымъ предъ свѣтомъ
Хотѣлъ сей Тиранъ!
Но пылкія страсти
Закона не чтутъ,
И скоры напасти
Съ собою влекутъ.
А въ Азіи жаркой
Зараза сія,
Какъ солнца лучь яркой
Сушитель ручья.
И вотъ ужъ Заремѣ
Семнадцатый годъ —
Данъ праздникъ въ Гаремѣ —
Пируетъ народъ!
Но Ханъ, скрывъ веселье,
Взявъ тайно кинжалъ,
И въ большемъ смущеньи,
Пошелъ онъ въ диванъ.
Вкругъ свита толпится

Услышитъ приказъ,
Когда веселиться
Назначится часъ.
Но въ полной кто страсти
Съ собою въ борьбѣ,
Тотъ виденъ въ напасти
И слабъ онъ въ себѣ;
Угрюмъ и нахмуренъ —
Языкъ недвижимъ —
И страстью обуренъ
Сказалъ онъ: Селимъ! —
И Визирь покорный
Изъ взора понялъ —
Хитрецъ какъ придворный —
Что̀ Ханъ-бы сказалъ.
Знакъ подалъ — нѣтъ свиты
И вошли въ диванъ,
И глаза несыты
Ищутъ Алкоранъ.
Но пылкія страсти
Закона не чтутъ
И скоры напасти
Съ собою влекутъ;
А въ Азіи жаркой
Зараза сія,
Какъ солнца лучь яркій,

Сушитель ручья.
Онъ жаркую руку
Любимцу подалъ
И любви всей муку,
Безъ словъ всю сказалъ;
Наперстникъ же тонкій
Всю тайну узналъ.
Съ учтивой наклонкой
Такъ Хану сказалъ:
Что втайнѣ терзаться? —
Заремѣ ужъ срокъ...
Что тебѣ смущаться,
Иль видишь порокъ? —
И въ радости полной,
Одинъ побѣдить,
Другой какъ придворный
Царю угодить,
Скорыми шагами
Къ Гарему пошли.
Зарему мечтами
Спящую нашли
Кругомъ окрилѣнну
Юностью святой,
И Ханъ всю вселенну
Видитъ предъ собой.
Забылъ онъ Пророка!

Забылъ Алкоранъ!
Забылъ честь Востока —
И больше не Ханъ!
Невинность младая
На пышныхъ коврахъ
Рѣзвяся, играя,
Заснула въ мечтахъ;
И Ангелъ-Хранитель
Надъ нею самъ бдитъ,
Но страшный губитель,
Сатана, не спитъ;
Онъ взоры направилъ,
И сердце разжегъ!
Тебя не оставилъ,
Невинная, Богъ:
Изъ устъ выпадаетъ
Янтарь на диванъ;
Зарема мечтаетъ
И видитъ, что Ханъ
Съ пылающимъ взоромъ
И дерзкой рукой —
— Чиста я предъ Богомъ!
Дай сердцу покой! —
Но пылкія страсти
Невинность не чтутъ,
И скоры напасти

Съ собою влекутъ:
На грудь къ ней стремится —
Наперстникъ все зритъ
И самъ веселится. —
Зарема не спитъ!
И смѣлой рукою
Схватила чалму —
И видно судьбою
Должно быть тому —
Злодѣй содрогнулся,
И шагъ отступилъ,
На бокъ пошатнулся —
Себѣ измѣнилъ:
Кинжалъ выпадаетъ —
Булатъ въ полъ звучитъ,
Зарема хватаетъ
И себя разитъ.

РУССКОЙ БАРИНЪ НА ОХОТѢ.

Туманъ ложится по полямъ
И листъ съ деревъ валится;
По мѣлкимъ видно все кустамъ,
Гдѣ что зашевелится;
И оземь бархатнымъ ковромъ
Верхи кругомъ одѣла,

И межь размоиной и рвомъ
Звѣрь красной рыщетъ смѣло;
Русакъ согнувшись подъ межой,
Покрытъ осенней мглою,
Трепещетъ ловчаго, судьбой
Найдетъ его какою!
И знакъ позывный на крыльцѣ
Раздался — все въ тревогѣ:
Конь рветъ чумбуръ столба въ кольцѣ
Къ охотничей дорогѣ,
И чашка съ чаемъ допита —
И пуншъ готовъ въ стаканѣ. —
Арапникъ, свора навита,
Ошейникъ на тиранѣ,
Кинжалъ за поясомъ — булатъ,
А шапка на бекренѣ;
И весь готовъ въ сѣдлѣ парадъ,
Въ Черкескахъ по колѣнѣ.
Раздался хлыстъ, и стая псовъ
Вкругъ ловчаго завыла,
И баринъ вышелъ весь готовъ,
И горская кобыла
Подъ нимъ крутится, пѣна бьетъ,
Хвостъ съ гривой разметавши
И къ верху голову несетъ,
Какъ по лугу гулявши.

Красивымъ мѣстомъ бережка,
Гдѣ Снѣжедокъ струится —
Обвита сворою рука —
Охота въ островъ мчится.
Съ смычковъ спустили — все гремитъ!
Дубрава отвѣчаетъ!
И птица съ древъ долой летитъ
И ловчій примѣчаетъ:
Куда валторка повела,
За нею вслѣдъ почтарка,
Гдѣ канарейка добыла,
И смолкнула казявка,
Тамъ трубадуръ гдѣ подхватилъ,
Набатъ къ нему свалился,
Курила голосомъ завылъ
И говоръ подвалился,
Крушила къ нимъ и листъ хруптитъ
Подъ лапою ногастой
И добывай, отставъ, спѣшитъ
Среди вершины частой. —
И чистымъ полемъ побѣжалъ
Русакъ жилой, матерой.
Оту! оту! всякъ закричалъ
Помчавшись прытью скорой.
Арабъ, приближась, заловилъ,
Арабка вонъ смѣнила;

Русакъ на длинникъ отхватилъ,
Лавирка пермѣнила;
Приспѣвъ — ушли его назадъ,
И матерой усѣлся,
Надулся, прыгъ и во сто кратъ
Рѣзвѣе понасѣлся,
По чисту полю загорясь,
Кустарника къ опушкѣ —
И поражай съ нимъ разцѣпясь
Далъ пермѣнить подружкѣ,
Но справясъ, вдругъ опять приспѣлъ
И кивернемъ съ угона!
Тиранъ всѣхъ въ обскачь — подоспѣлъ
И сцапалъ безъ пардона!...
Отколонъ звѣрь и втароченъ,
Данъ Пазанокъ Собакѣ
И рога дребезжалый стонъ
Раздался не для драки,
Но баринъ барствовать хотѣлъ. —
— Подайте круговую!
Поднесть охотникамъ велѣлъ
За славу, Русь святую!

НА КЛАДБИЩѢ ОСЕНЬЮ.

Безмолвная луна! товарищь душъ унылыхъ?
Товарищь, освѣщай, гдѣ скрыты прахи милыхъ,

Въ часъ полночи, когда природа въ мракѣ спитъ,
Пустъ образъ твой на нихъ украдкою глядитъ
Изъ черныхъ облаковъ, разорванныхъ вѣтрами;
Шуми столѣтній дубъ пожелклыми листами.
Твой корень, можетъ быть, віяся межъ гробовъ
Отъ тяжести земли даетъ тому покровъ,
Кто сердцемъ охладѣлъ, въ тотъ міръ переселился
И въ будущность для насъ незнаему сокрылся.
Безмолвная луна! Товарищь душъ унылый,
Кладбище освѣщай, гдѣ скрыты прахи милы
А я въ послѣдній разъ лучемъ твоимъ сребрюся,
Въ послѣдній разъ я здѣсь съ тобою нахожуся:
Борей дохнулъ, зима осклабясь къ намъ спѣшитъ,
Пернатый теплыхъ странъ отъ Норда прочь летитъ;
Уныло Аквилонъ въ бору межъ сосенъ воетъ,
Угрюмый звѣрь, медвѣдь, въ глуши берлогу роетъ;
Все прячется подъ кровъ, все кажетъ видъ печальный; —
Природа облеклась во трауръ погребальный:
Простижъ, печальная! не тьми лучей своихъ!
И мѣсто освѣщай, гдѣ прахи скрыты ихъ
До Майскихъ дней, — а тамъ зефиръ весну какъ свѣя,
Дубравъ зелѣныхъ гость, пѣвица Корифея
Поспѣшно прилетитъ со мною тосковать;
Ахъ! сладостнѣй самъ-другъ и слезы проливать.

КЪ ЛУНѢ.

Покажися, другъ унылыхъ!
Покажись, луна, скорѣй!
Грустно сердцу жить безъ милыхъ
И твоихъ не зрѣть лучей!...

Ты взошла — и грусть сокрылась,
Хоть навремя въ жизни сей;
Мысль печальна удалилась,
Что живу я безъ друзей!

Лучь меня твой осребряя,
Въ душу чувства сладки льетъ;
Я мечтой себя питая,
Счастливъ; если запоетъ

Въ часъ разсвѣта, въ мѣсяцъ ясный,
Гость весенній, соловей —
О пѣвецъ! любовникъ страстный!
Пой — со мною нѣтъ друзей!

Нѣтъ со мной, — и ты сокрылась,
Скромна Цинтія, отъ глазъ;
Грусти дума возвратилась,
Все не мило мнѣ безъ васъ!

Ты, что счастье посылаешь!
Скорбну душу успокой,
Если можно — ты все знаешь!
Иль въ сырой землѣ сокрой.

КЪ АНЮТѢ.

О чемъ тужить, чего искать
Намъ, красна дѣвица, въ свободѣ?...
Тебѣ не спать, мнѣ не дремать —
И дань заплачена природѣ.

Спѣши ко мнѣ, Анюта другъ!
Я тебѣ мечтаю:
Я былъ бы вѣрный твой супругъ,
Ты мнѣ вѣрнабъ — я это знаю.

Въ дыханьи майска вѣтерка,
Иль въ гласѣ феломелы,
Въ журчаньѣ быстра Снѣжедка —
Когда въ покоѣ селы,

И ласточка на кровлѣ ихъ
Подружку утѣшаетъ,
Когда пишу къ тебѣ я стихъ
И въ немъ вся мысль сгараетъ —

Лети ко мнѣ, Анюта другъ!
Я о тебѣ мечтаю:
Твой вѣрный былъ бы я супругъ,
Ты мнѣ вѣрнабъ — я это знаю.

Скажу опять: чего искать
Намъ, красна дѣвица, въ свободѣ?...
Тебѣ не спать, мнѣ не дремать —
И дань заплачена природѣ.

ЕЙ ВЪ АЛЬБОМЪ.

Въ безвѣстности нѣмой, на маломъ Снѣжедкѣ,
На бережкѣ его я въ думу погруженный,
Мечтая о тебѣ, мечтами окруженный,
Пою любовь — и повторяю въ вѣтеркѣ.

ПѢСНЬ ПРЕЛЕСТНОЙ ДѢВИЦѢ.

О Ангелъ, въ мірѣ семъ, небесный!
О жизнь ты сердца моего!
Твой взоръ, — взоръ радости прелестный!
Твоя улыбка — рай всего!
Цвѣти какъ роза ты весной
Кропима утренней росой.

Будь счастлива, мы всѣ желаемъ,
Какъ правда счастливо живетъ:
Съ тобой мы радости вкушаемъ,
И грусть печальныхъ слезъ не льетъ.
Цвѣти какъ роза ты весной
Кропима утренней росой.
Прими сердца́, какъ дань нелестну:
Они тебя боготворятъ!
Вручивъ ихъ Ангелу небесну —
Чего осталось намъ желать? . . .
Цвѣти какъ роза ты весной
Кропима утренней росой.

КРАСАВИЦѢ.

О краса красотъ прелестная!
Ты, что служишь украшеніемъ
Пола нѣжнаго и милаго!
Подъ какой планетой счастіе
Тебѣ N. въ удѣлъ досталося? . . .
Будто утро въ Маѣ мѣсяцѣ
Пе́рловой росой кропимое,
Къ намъ лишь спустится отъ горнихъ мѣстъ—
И все въ мірѣ обновится вдругъ:
Такъ и ты, когда въ кругу подругъ,
Съ милою твоей улыбкою,

Среди прелестей божественныхъ,
Лишь появившись — и сердца тотчасъ
Всѣ, въ восторгѣ удивленія,
Всѣ — покорны ихъ владычицѣ!

ЖЕЛАНІЕ ВЪ НОВЫЙ ГОДЪ.

Позволь съ избыткомъ чувствъ сердечныхъ
Къ тебѣ мнѣ въ Новый Годъ писать;
О дняхъ протекшихъ, скоротечныхъ
Позволь напомнить и сказать:

Какъ съ горъ покатыхъ быстры воды
Въ долину съ скоростью бѣгутъ,
Такъ мчатся дни, за ними годы —
И къ намъ обратно не придутъ.

Одно объ нихъ воспоминанье
Всегда съ надеждою живетъ, —
Оно души очарованье! . . .
Мое жъ желанье вотъ въ сей годъ:

Не знай ты скуки дней суровыхъ,
Веселье да живетъ всегда,
Минуту каждую дней новыхъ;
А грусть злодѣйка — никогда!

Когдажъ и этотъ годъ, чредою,
Хаоса въ бездну упадетъ,
Сатурна гибельной касою:
Тогда пускай на мысль придетъ

Протекше время и желатель
Спокойства, счастія тебѣ. . . .
Я ей прошу, мой Богъ! Создатель!
Такого блага — какъ себѣ.

ПРИЗНАНІЕ.

Мой другъ! и я плѣненнымъ сталъ,
Не знавъ цѣпей любови страстной:
Излей бальзамъ — иль я увялъ
Во цвѣтѣ пылкихъ лѣтъ, несчастной!

Излей бальзамъ на друга грудь!
Тогда узнаю изцѣленье.
Ахъ! слабаго не позабудь!
Ты не отринь мое моленье!

Уже не вижу красныхъ дней —
Съ моей весною счастье скрылось —
Я жилъ въ семъ мірѣ только ей —
Я не живу — она сокрылась!

Я не живу — прости, мой другъ! . . .
Съ очаровательной мечтою,
Явись ко мнѣ ты для услугъ,
Явись съ чувствительной душею. —

Я все открою предъ тобой,
Надежду, слабости порока;
Какой невидимой судьбой
Любовь закралась въ грудь далеко.

Но меркнетъ свѣтъ въ моихъ очахъ —
И призракъ милый отлетаетъ;
Еще вдали, еще въ лучахъ
Едва, едва въ тѣни мелькаетъ. . . .

Тамъ, тамъ, гдѣ ясный неба сводъ
Покрытъ лазурной пеленою,
Она въ объятья друга ждетъ
Съ улыбкой, Ангельской душею.

РОМАНСЪ.

Прекрасному деревцу Богъ листьевъ не далъ—
Удобраго мо́лодца онъ счастье отнялъ. —
Растетъ на долинушкѣ пустынной какъ кедръ,
И клонитъ вершинушку подуетъ чуть вѣтръ.
Ахъ! горько жить мо́лодцу безъ милыхъ друзей!

Туманится солнышко, нѣтъ красныхъ съ нимъ
дней,
На тополѣ листики чуть стали расти,
Вкругъ корня фіалочки ужъ стали цвѣсти;
Но дунулъ вѣтръ сѣверный — и сорванъ листокъ,
Повѣялъ съ морозами — опалъ и цвѣтокъ.
Я въ нѣгѣ и роскоши, въ объятьи отца,
Ахъ, думалъ, любезные! не будетъ конца
Мому наслажденію! — и лежа у ногъ,
Я мать цѣловалъ свою — любилъ сколько могъ;
Сестру къ сердцу братскому, любя, прижималъ,
И брата, душею чтя, ласкалъ, обнималъ;
Любилъ также милую — въ ней счастье все зрѣлъ
И красною юностью, какъ лавръ гордый цвѣлъ.
Но все измѣнилося, и все отцвѣло,
И счастье, какъ солнышко за облакъ зашло.
Не стало родителя — и матери съ нимъ,
Сестры, брата милаго .... все мигомъ однимъ
Свирѣпая хищница сразила косой,
И остовъ презрительный стоитъ предо мной....
Надежда на Промыселъ со мною живетъ:
Увижусь я съ милыми — душа не умретъ,

ЯСЕНЪ.

Ясенъ, мой ясенъ!
Зеленъ, прекрасенъ!

За что тебя, ясенъ,
Средь лѣта срубили? . . .
За то, что прекрасенъ,
Видно, погубили.
Я слышалъ паденье —
Гулъ въ лѣсѣ раздался;
Рубившихъ веселье,
Когда ты шатался! —
Съ тобою я, ясенъ!
Во всемъ, во всемъ сходенъ:
Былъ милъ и прекрасенъ,
Теперь же безроденъ;
Шатаюсь — изгнанникъ!
И вижу паденье. . . .
Природѣ я данникъ,
А злымъ на веселье.

СУДЬБА.

Сердце, сердце! гдѣ свобода?
Гдѣ желанный тотъ покой?
Скрылась ясная погода —
Кормчій борется съ волной.
Все усилье напрягая,
Льститъ себя надеждой онъ,
И на брегъ вдали взирая,
Правитъ утлый къ нему челнъ.

Но судьба ужь написала
Въ колыбели приговоръ:
Счастье съ юныхъ лѣтъ отняла —
И несчастливъ онъ съ тѣхъ поръ. —
Кто, на Промыслъ уповая,
Здѣсь надежды не лишенъ,
Молитъ: власть Твоя святая!
Буду въ пристань я введенъ:
Тѣмъ пошлется небесами
Рай, блаженство и покой;
Озарится вкругъ звѣздами
Онъ съ невинною душей.

ГРУСТЬ.

Отъ чего, братцы, сердце изныло?
Отъ чего, други! грусть во слѣдъ за мной?
Хлѣба съ солію изобиліе,
Злата, серебра — не сочтешь казны,
Платью цвѣтному и износу нѣтъ,
Поглядѣть — собой удалъ молодецъ!
Всѣ завидуютъ добру молодцу —
И дивятся всѣ грусть-тоскѣ его.
Я скажу на то, люди добрые!
Если не съ кѣмъ намъ раздѣлить всего
Что̀ имѣется Богомъ данное —

Прахъ, мечта все, тѣнь, въ тли погибшія!...
Дайте *милую* — сердцемъ выбранну,
Дайте *друга* мнѣ — Богомъ даннаго!
Позабуду я грусть, тоску мою,
Хлѣбъ и съ солію раздѣлю съ *ними* —
Сребра, золота мнѣ не надобно,
Платья цвѣтнаго не потребую;
А въ душѣ моей красота моя!
Ахъ, не будутъ мнѣ всѣ завидовать —
Я завидовать самъ себѣ буду
И просить у Бога всѣмъ то щастіе.

АМУРЪ.

Въ пріятный майскій день, и солнца на восходѣ,
Отъ розъ по цвѣтникамъ разлился аромать,
Все нѣгой вѣяло, покоясь въ природѣ.
И купидонъ, рѣзвясь, считалъ себя стократъ
Благополучнѣе; найдя такое время,
Сложилъ колчанъ съ себя, а съ нимъ коварно бремя,
И тихо подползя къ пчелѣ трудолюбивой,
Себя осматривалъ вокругъ;
Не видя никого, нашедши часъ счастливой,
Онъ ручку протянулъ — и вдругъ,

Чтобы янтарный сотъ къ устамъ своимъ поднесть,
Разинулъ свой ротокъ, желалъ хоть крошку съѣсть,
Но пчелка изъ лѣпка
Ужалила божка. —
Бѣжитъ малютка мой
Стремглавъ къ своей родной:
Ахъ, маминька! гдѣ ты? молю тебя, постой!
Пчела ужалила! — нѣтъ — лютая змія! —
Богиня красоты такъ сыну отвѣчала:
«Послушай, мой дружокъ! стрѣла люпѣй твоя.»
И огорченнаго ласкала.

КЪ БРАТНИНУ СТАКАНУ.

О братъ, о другъ! мнѣ твой стаканъ
Остался для веселья.
Ахъ! кто въ сей жизни не былъ пьянъ
И не зналъ похмѣлья? . . .
О братъ, о другъ! когда съ тобой
Пивалъ въ кругу бесѣды,
Я виноватъ передъ тобой!
Мои слабѣли члены. —
Рокъ далъ: я пережилъ тебя —
И мнѣ стаканъ — наслѣдье;
До гроба буду пить любя,
Тебя въ поминовенье.

ПРОЩАНІЕ СЪ КАВАЛЕРИСТАМИ.

Гласъ трубный слышу.... часъ насталъ! —
Прощальный кубокъ наливаю!
Счастливый путь, друзья! — сказалъ —
И все до капли выпиваю.

Вихрь какъ надольный
Стелется, вьется
По злачнымъ полямъ:
Конь быстрый, вольный —
Вижу — несется
По стройнымъ рядамъ.

Всадникъ съ улыбкой,
Въ рашной одеждѣ,
На борзомъ летитъ;
Съ саблею гибкой,
Въ смѣлой надеждѣ
Имъ правя, сидитъ.

И зашумѣла
Рать вся рядами,
Дорогой большой;
Пыль полетѣла,
Клубомъ мѣстами,
Тамъ за горой.

Пыль улеглася, —
Рати не стало; —
Прощайте, друзья!
Чу! пронеслася —
Эхо достало —
Какъ вѣтромъ струя,

То лишь отзывы
Тамъ, надъ рѣкою,
Военной трубы. —
Будьте счастливы!
Вы подъ рукою
Всѣмъ общей судьбы.

И чу!... замолкнулъ трубный гласъ.
Прощайте! кубокъ наливаю;
Въ воспоминаніе объ васъ
Его до капли выпиваю!

ПО ПРОСЬБѢ НАПИСАТЬ СТИХИ.

Въ сей день стиховъ ты отъ меня желалъ,
Въ угодность я твою и написалъ:
Вотъ до обѣда
Время златое
Мы провели;

Наша бесѣда —
Благо земное!
Другъ мой! внемли:

Счастливъ стократно,
Сгастливъ неложно
Тотъ человѣкъ,
Неколѐвратно
Если возможно
Кончилъ свой вѣкъ.
Взявши жъ фіалу
Въ руки златую,
Что̀ мы тогда?...
Ура! покалу!
За Русь святую
Выпьемъ до дна.

ПОСЛАНІЕ КЪ КР — ВУ.

Скажи, Кр — въ, зачѣмъ летать за лестною мечтою,
У насъ и здѣсь, на Снѣжедку, съ открытою душею
Умѣютъ хлѣбъ, соль раздѣлить и съ пуншевымъ стаканомъ,
И всякой, чтя законъ, живетъ, повѣрь мнѣ, не тираномъ:

Крестьянинъ соху волочитъ, дворовый ношу носитъ,
И если есть что̀ у меня, безъ совѣсти попроситъ.
И какъ не быть, когда мы всѣ заморствовать не любимъ!
Сгрустится дома — мы своихъ хозяюшекъ голубимъ.
Хоть подъ бокомъ подвальная, но близко отъ сосѣда,
Куплю вѣдро, или полвѣдра — и весела бесѣда!
То кумъ Очаковской ко мнѣ, то Ча—нъ прикурнувши,
А то Маіоръ изподтишка, не спавши, иль проснувши,
Бываютъ также, какъ и я у нихъ подъ часъ гуляю;
Обрита чистоль борода, повѣрь, не разбираю,
Или съ похмѣлья въ головѣ когда хмѣлина бродитъ. —
Повѣрьте совѣсти, никто за правду не поссоритъ.
И ты, другъ, также поживи на мызѣ запустѣлой,
Тогда не тотъ будешь Кр — въ, Кр — въ будешь умѣлой.

ОРЕЛЪ.

Превыше облаковъ ширяясь,
Орелъ взоръ книзу простиралъ,
И вверхъ всечáсно подымаясь,
Пернатыхъ царь сказалъ:
Парю я выше всѣхъ!
Ничтожна тварь вся предо мною!
И только для утѣхъ
Віясь, горжусь предъ всемъ собою!
Но вдругъ увидя солнце, изумился —
Пустился
Къ нему — желая на него взлетѣть,
И опаляся, палъ пернатыхъ мощный плѣть.
Бывъ самолюбьемъ упоенъ,
Гордецъ себя превыше всѣхъ считаетъ;
На верхъ честей онъ вознесенъ —
Еще несытъ — и въ пропасть упадаетъ.

КРОЛИКЪ.

Я думаю изъ насъ довольно знаютъ,
Что часто иногда заслуги пропадаютъ.
Однажды счастьемъ, иль судьбою
Звѣрекъ, что кроликомъ зовутъ,
Дорогою простою,

Не такъ какъ тонкой плутъ,
Къ большимъ звѣрямъ въ протекцію попался;
Любили всѣ его, — и онъ услужливымъ считался.
Нашъ кроликъ на часахъ, —
Нашъ кроликъ и сержантомъ;
Потомъ онъ офицеръ, а тамъ и адъютантомъ —
Исправенъ онъ во всѣхъ дѣлахъ.
Вотъ звѣри тѣ войну надъ звѣремъ бѣшенымъ
недавно одержали —
Пошла награда всѣмъ, кто былъ въ сраженіи,
кого и не видали,
А адъютантъ забытъ. —
Вотъ и протекція, — бѣдняжка-кроликъ говоритъ.

ЭПИГРАММА.

А, здорово, братъ Витула!
Въ Петрополѣ похожъ во всемъ ты былъ на мула,
Но что за оборотъ? — на Югѣ сталъ тучнѣй. —
— Да въ Питерѣ-то холоднѣй.

ЭПИТАФІЯ СЫНУ.

О сынъ! съ тобою мы болѣзнію страдали,
Ты Богомъ взятъ, — а я остался для печали.

ПѢСНЬ ПОСѢДѢВШАГО РУССКАГО ВОИНА.

Сѣдиналь моя ты сѣдинушка!
Сѣдиналь моя безпорочная!
Посѣдѣлъ, други, за Царей-Отцовъ!
Посѣдѣлъ, братцы, за Русь-матушку!
Исходилъ дѣти верстъ и смѣты нѣтъ,
Изломалъ рукой сталь каленую;
Поносилъ тяжесть на плечахъ своихъ,
И шелъ грудью я на враговъ моихъ,
Гдѣ сойдуся съ нимъ — кровь волнуется,
Глаза быстрые — его слѣдуютъ:
Въ полѣ чистомъ онъ — на травѣ лежитъ;
Въ лѣсъ сокрылся гдѣ — лѣсъ обрушился;
Въ воду бросился — пьетъ волну ея;
А въ огонь попалъ — онъ и въ пламени! —
Вотъ и вздумалось Ляху дерзкому
Не служить чтобы Царю Русскому,
Не платить дани Царству мощному,
Поселить раздоръ непріязненный. —
Можноль Сѣверу уступить того,
Мать-Царицей, что завоевано? . . .
Ея внукъ, нашъ Царь, такъ и здѣлалъ то:
Покорилъ выю Ляха гордую;
Онъ послалъ туда орла мощнаго,
Орла мощнаго, Закавказскаго!

И Варшавскія стѣны рухнули,
Когда Русскіе грудью стиснули! —
Сѣдиналь моя ты сѣдинушка!
Сѣдиналь моя серебристая!
Не отъ нѣги ты, сѣдина моя,
Но отъ службы ты Государевой. —
За свою вѣру православную,
Я за башюшку за Царя своего,
И за матушку за святую Русь
Положить готовъ и головушку
Съ сѣдиной моей серебристою.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Царю Русскому.	7
На взятіе Варшавы.	9
Военная пѣснь на приступъ Варшавы.	10
Утренняя молитва.	11
На спукъ корабля, наименованнаго Петромъ, 1814 года Августа 7 дня въ Санкт-Петербургѣ.	12
Лодоиска.	13
Кудояръ.	17
Зарема.	24
Русской баринъ на охотѣ.	28
На кладбищѣ осенью.	31
Къ лунѣ.	33
Къ Анютѣ.	34
Ей въ Альбомъ.	35
Пѣснь прелестной дѣвицѣ.	—
Красавицѣ.	36
Желаніе въ Новый Годъ.	37
Признаніе.	38
Романсъ.	39
Ясенъ.	40
Судьба.	41
Грусть.	42
Амуръ.	43
Къ Брашнину стакану.	44
Прощаніе съ кавалеристами.	45
По просьбѣ написать стихи.	46
Посланіе къ Кр—ву.	47
Орелъ.	49
Кроликъ.	—
Эпиграмма.	50
Эпитафія сыну.	—
Пѣснь посѣдѣвшаго Русскаго воина.	51

C 268

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Jan. 2007

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS